

БОЛЬШОЕ БУДУЩЕЕ МИКРОПЕЧАТИ

ЕЖЕГОДНО в нашей стране издается до 80 тысяч книг общим тиражом свыше 1,2 миллиарда экземпляров. Расчеты показывают, что ежегодное строительство новых и ремонт старых библиотечных, торговых и складских помещений для этого огромного книжного потока обходится государству до 200 миллионов рублей. Нельзя ли снизить такой расход путем сокращения хотя бы части книжной лавины? Или, быть может, поступить иначе и уменьшить объем книгохранения?

Речь идет о частичной миниатюризации существующих, а главным образом, вновь создаваемых книжных, журнальных и т. п. фолдов на базе современной фототехники. Традиционная печать на бумаге заменяется микропечатью на светочувствительной пленке, что сокращает объем изданий и вес (а это не предел) больше, чем в 50 раз. Сотни томов могут разместиться в шкафах письменного стола! В книгохранилищах чрезвычайно облегчается поиск нужной литературы.

Микропечать читается при помощи специальных стационарных, переносных и даже ручных аппаратов, увеличивающих печать до нормальных, удобных для чтения размеров.

Конечно, нужны микропечати не только книг, но и других печатных документов. Если, например, огромный патентный фонд из многих миллионов описаний изданий и патентных изобретений мог храниться до сих пор лишь в Москве, что ставило чрезвычайно неудобства в пользовании им, то уже осуществимый перевод этого фонда на микрофильмы позволит создать полноценные патентные библиотеки.

Однако и это еще не все. Фото-репродукция чрезвычайно увеличивает процесс размножения документов. В Москве, например, сейчас насчитывается около 20 тысяч копировщиков с головной зарплатой до 15 миллионов рублей. А между тем около десяти работников полиграфического предприятия № 1 исполкома Моссовета выполняют при новом методе задание пятисот копировщиков. В масштабе государства это даст десятки миллионов рублей экономии.

У нас уже созданы предприятия по производству микрофотокопий при Главном архивном управлении при Совете Министров СССР, Всесоюзном институте научной и технической информации, в Госкомитете по делам изобретений и открытий, в Государственной библиотеке имени Ленина и т. д. Это, так сказать, авангард новой техники печати, накопивший уже серьезный опыт. Но этот опыт следует оценивать критически.

Чем, например, микрокопия в основном вытесняется на ручной пленке, а не на микрофотопленке, на которых размещается до 50 фотографий? Ведь микрокарты удобнее в обращении, их проще хранить и пересылать. Дело в том, оказывается, что технология производства микрофильмов (рулон) базируется на давно сложившемся кинематографическом опыте, следовательно, затраты с ней меньше. А вот в арбузбачных станциях широко применяются микрокарты.

Главное же в том, что, создавая наши научно-исследовательские и конструкторские разработки в области микропечати пока не от-

вечают ни современным требованиям, ни современным возможностям. В частности, не организована разработка новых, более дешевых и высококачественных материалов. За границей применяются так называемые «дизвольтемы», дешевые и удобные при обработке. Их у нас почти нет. Не используются также светочувствительные материалы для больших уменьшений (в сто и более раз) и не выпускается очень нужное и к тому же давно уже конструкторски разработанное оборудование.

Что же тормозит развитие этого важного и не такого уж нового дела?

Основная причина, на наш взгляд, — отсутствие руководящего органа, который нес бы ответственность за широкое и комплексное внедрение микрофотокопирования в издательскую деятельность, чертежно-технические работы, научно-техническую информацию и библиотечное дело.

Не возьмет ли на себя начала роль организатора Государственный комитет по науке и технике, поскольку здесь нужно координировать деятельность ряда министерств, от которых зависит решение научно-технических и производственных вопросов, а впоследствии, может быть, возлагать эту работу Комитет по печати?

В. БОГОЛЕПОВ,
председатель секции теории организации Научного фонда по кибернетике при Президиуме Академии наук СССР
С. ЛИНКИН,
член секции

СРЕДИ СОПОК

НЕ МОГУ не верить собеседникам. Их человек десять. Всем им лет по тридцати. Крепкие, спокойные лица в загаре.

Молодые рабочие сидели повеселевшим на теплых скамьях с измятой рудой, ожидающих отправки. С обогатительной фабрики, построенной на склоне крутой сопки во многоэтажном доносил грохот и тарарахение друблящих и промывающих руду механизмов.

Рабочие с гордостью говорили, что рудник и фабрика дают дешевое сырье. Обогащенная руда получается очень высокого качества. Но они не только говорили о достижениях. Несмотря на все трудности освоения нового промышленного района и на суровый климат, на работающей здесь не распространяются как называемые «северные» льготы. А ведь рядом, неподалеку от Комсомольска-на-Амуре, рабочие на других предприятиях получают «северные». Линия, отделяющая «полукающих» от «неполукающих», прошла совсем где-то рядом с Солнечным.

Вокруг громадились венцы хребтов. Мы находились почти на семисот метров выше уровня моря, в горной долине. Главный хребет был близок, как высотное здание в городе. Но похож он был не на здание, а скорее на поля сохотого — вот его круп, туловище, голова. Этот громадный сохотый полог упирался в облака. Белой полосой, как попоной, была покрыта седловина. Такая же белая была грива хребта. Снега лежат на вершинах до середины июля, хотя солнце жарко палит. Совсем недалеко отсюда, в нескольких де-

сятках километров, долина Амур — вся в цвету, в буйной зелени. Цветут заросли яблони на склонах сопки, сирени. На островах все выше поднимаются травы... «А здесь», — говорит рабочий, — «близко к поселку и гораздо прохладнее!»

Над долиной стоят хвойные леса на скалах. Неподалеку лежат затаившиеся чертобы. Район еще не освоен, он полон человек еще не скился тут с природой.

Когда я простился с рабочими и автобус повел всех нас с рудника, то подумалось, что, конечно, рабочие правы. Может быть, «северная» надбавка всего не решит. Конечно, нужно так развить жизнь, чтобы люди хотели жить на этом месте. Но и нельзя пренебрегать тем, что особенно на первых порах такая надбавка к зарплате помогает людям осваиваться. «Северные» — это ком-пенсация — первоначально за трудные условия жизни, за борьбу с суровой природой. А прироста здесь гораздо более суровая, чем в других, более освоенных краях на той же параллели.

Мне кажется, что следует распространить эту надбавку на ряд «трудных», только еще осваиваемых районов Сибири и Дальнего Востока. Не географические параллели только должны тут решаться, но и смысл дела. В расчет должны приниматься условия жизни в осваиваемом районе.

И ЕЩЕ об одном. На дальних сопках, окружающих Солнечный, курятся в небо толстые столбы густого дыма. Это лесные пожары, страшный бич здешних мест. Подыхая, мы увидели сопки в сплюснот-

опе. Вот их долина между двух горбатовых сопек дыма валит, как из трубы, прямо на современную асфальтированную дорогу.

Местами открываются следы пожаров прошлых лет, выжженные площадки с одиночными голыми стволами. Рыжие, черные пятна вместо травы и кустарников все выше поднимаются травы... «А здесь», — говорит рабочий, — «близко к поселку и гораздо прохладнее!»

Я оказался в этих местах проездом и, сознаюсь, совсем не ожидал, что под Солнечным горят леса. А пришлось видеть, как носог лес и сухая трава горят у самой дороги. Выгорают ягодники, малинники, уходит зверь, отлетает дичь.

Да, здания в Солнечном вполне современные. Очень хорошо работает фабрика. Пробита и асфальтирована дорога к долине Амур. Но, право, тоска разберет человека, когда видишь могучий тайгу на сопках останутся лишь пожарища. Лесные пожары подрывают самую основу существования человека в этих местах.

Тайга горит в сухие дни, в ясные, в солнечные, когда человек, назалось бы, только радовался. Тут, конечно, и небрежность новых пришельцев. Оставляются незадушенными костры. Но вид однажды, как тайга начинает гореть в нескольких местах сразу, я не мог не подумать, что возможны и поджоги.

Целые отряды борются с лесными пожарами. Существуют противопожарная авиация. В наше время идет организованная борьба против пожаров. Но пока что лесов горит еще очень много.

Пожары — серьезная, мне кажется, похоть в работе не только Солнечного комбината... И об этом, я убежден, должны сказать свое слово специалисты.

Н. ЗАДОРНОВ
Солнечный

Мавлода ХАСАНОВА рассказывает о землетрясении...

И вокруг все как замирает...

Мы на улице выжидали...

Цела ли школа?

Зря мальчишки радовались — утром уроки начались.

ДЕТИ ТАШКЕНТА

(Омюнчане. Начало на 1-й стр.)

широавли, лучше всех поворачивались направо, налево и кругом, а потом лучше всех пели. Кто пал! Разные артековские песни. Ну-на, Тана, спой. И Тана, ни секунды не смущаясь, неожиданно звонким и красивым голоском запевает про мальчишку, которому все кричат: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»

— У нас и свои песни есть, — откинув за плечи роскошную черную косу, сообщает самая маленькая из наших собеседниц, Мавлода Хасанова. Девочки равновзвешивают на подружку: надо же, такую интересную новость утратили сообщить раньше всех! И тут же подтверждают: — Правда, Наташа и Лена сочинили, когда были на горе Рашкуна.

Появляются Наташа и Лена. Вид у обеих, как у заговорщиц. Подарив «роскошными» ребятами, они поют про свои туристские трудности:

Мы на Рашкунку забрались
Во поленом по пути.
Ни за что и никогда я
В гору не поеду.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой,
Злая я дочу домой.

Песня — песня, а они и вправду уже хотели домой. Несмотря на то, что в Артеке каждый день приходит телеграмми: «Присмир, оставь еще на один срок того-то или того-то. Дом авариный, идет ремонт». Да, дома в Ташкенте, сейчас далеко не так хорошо, как здесь, в Артеке. Мавлода помнит, как она проснулась среди ночи и закричала: «Ой, мамочка, мамочка, мамочка». Но потом поняла, что «маму тоже мамочка», и перестала кричать. И в техник не все были искорками в глазах, так же перебивала друг друга, как и во время рассказа о праздничном фееричестве в честь дня рождения Артека, девочки начинают говорить о том, как это страшно — землетрясение, как выбегают люди на улицу в чем попало, как воют во всем городе собаки и как дрожит земля.

— А у города вышла на улицу, — начинает Гуля, уже заранее улыбаясь. — Вышла на улицу, встречала наших мальчишек. А они мне кричат: «Гуля! Землетрясение! Побегим, посмотри, может, наша школа разрушилась, уроков не будет!»

Школа и в самом деле треснула. Но уроки были. На улице. И даже мальчишки из нас пропускали. Да, землетрясение — это страшно. Мавлода, например, очень беспокоилась за маму. Мама не любит спать на улице. За ней не уследишь, она, того гляди, уйдет на ночь в дом. Впрочем, это в самолете из Ташкента в Крым тоже страшно. — Ой, это такой ужас! — прикладывает руки и щекам Таша. — Меня так ужасно... — И ничего не страшно, — говорит Мавлода. И вот уже землетрясение забыто. Вопрос идет спор о том, кто боялся летать в самолете. Что это? Свойство детской души? Неужели до конца осознает пережитое? Или, наоборот, способность быстро забывать любые раны, телесные и душевные? Не знаю. Пусть в этом разбираются психологи. Я знаю только одно. Я видела эти ребят, переживших одно из крупнейших стихийных бедствий. Они были здоровы, веселы, мизантропичны. Они остались самими обыкновенными детьми, не утратившими ничего из своего детства: ни непосредственности, ни оптимизма, ни свойственного большинству детей чувства юмора. Меня это не удивило. Да, по-моему, и удивляться-то нечему.

Вчера, когда стая уже была набрана, телеграф принес новое тревожное сообщение: сейсмическая станция «Ташкент» зарегистрировала еще два сильных толчка. В сильных телеграфных срочках слышно, как передается атмосфера мучительной борьбы ташкентцев за свой город: «Промышленные предприятия, учреждения, кинотеатры, магазины работают нормально. Но мы знаем, что дети — они опасны. Страна забывает об этом».

МАТЕРИАЛЫ ПУБЛИКУЮТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

У ИСТОКОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

У В А Ж А Т Ь УЧЕБНЫЙ ЧАС! ЛИТЕРАТУРА — ШКОЛА КИНЕМАТОГРАФА Реплики читателей

К А К-ТО задолго еще до нашего времени прибегает сынышка из школы веселый-превеселый, весь так и светится.

— Завтра мы идем работать! — вскрикивает, восторженно, вот-вот в плас пустится. И я обрадовался. Право же, неплохо, когда ребята так рвутся к физической работе.

— Но все-таки... Почему такое ликование? Отчего так озорно сверкает глаза? Вижу, за уроки садиться не собирается — портфель на стол, а сам к двери. — Ну куда же ты? — Нет на завтра никаких уроков. И на послезавтра тоже. — Упреждает скороговоркой. — Потому что занятия завтра не будет. Понимаешь? Кра-а-а-а-а!

Вот-те на! А я то думал... На следующий день он пришел довольный радостью обычного. — Да с работы? — Да. Ответил как-то вяло. — Ну и что же вы успели сделать?

— Можно сказать, ничего. Вынесли по несколько носилок мусора со стройки, и все. Больше сидели и думались. — И много вас там было? — Да немало... Все школы района!

Мда... Десять классов. И одиннадцатые. По всем школам района. Сколько же это «учебных часов»? И ведь это не впервые. Еще раньше вот так же, по призыву их посылали «на свеклу». Городские торги не успевали с логотковой ошей, надо было найти рабочую силу. Где? Легче всего в школах. Ударили челом в ворота, горюет разрозненно отдал народного образования, а те побегуте разнарядку школам. И все. Работали — не работали, а занятия пропускали.

Потом подоспели районные соревнования по волейболу. Десяток человек, смотришь, ушел с уроков. За волейболом баскетбол, а там шахматы, гимнастика, плавание...

Помните, не раз доводилось мне слышать жалобы на перегруженность школьной программы. На то, что ученики за уроками и домашними заданиями света белого не видят. И верно ведь: десять лет — срок не такой уж большой для получения среднего образования. И как-то все это не очень, кажется, прилично урезыванием учебного времени.

Ученик ведь себе на уме. Если нет ни учения, ни настоящей работы, и только игра в труд, то разве грешно иногда сходить в кино? Такая интересная картина идет, к тому же она как раз по программе. И ходит. По своему усмотрению. И начинает казаться ему, что урок не такое уж святое дело, как когда-то говорили, что его можно прогулять или и нему не готовиться...

И ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ...

Совсем недавно издательство «Прогресс» выпустило кизиче оформленную книжку «Афоризмы». Из титула видно: «По иностранным источникам». В предисловии издательство уведомляет: «Сборнику придан характер строго индивидуальной, а вполне популярный, здесь нет ни подробных сведений на отдельные афоризмы, ни обстоятельного библиографического аппарата. Следует лишь отметить, что сборник составлен по подлинникам, с которыми в большинстве случаев и сделаны переводы».

В разделе сборнике, посвященном чувству, которому «все возрастающее значение» читает (на стр. 287) следующие:

«Любовь, движущая солнцем и планетами, — это высшая сила. Заключительный стих каждой из всех трагедий — «Восточная невеста».

В силу того что издание носит характер не строго академический, а вполне популярный, оставшиеся источники почерпнуто содержательны и выразительны. Но, к сожалению, не все афоризмы переведены точно. Так, например, афоризм: «Восточная невеста» переведен как «Восточная невеста», а не «Восточная невеста».

Сочинение ВЛЗА

П Л Ю С

«Всего от самых истоков» — так называлась статья Ю. Андреева («Литературная газета», 24 декабря 1965 года), посвященная изучению исторического опыта советской литературы, проблем социалистического реализма. Разговор о богатом наследии советской литературы был продолжен в статье В. Плоткина «Желтый интеллект» (5 мая 1966 года) и Л. Овсарова «Афоризмы» (28 мая 1966 года).

Сегодня мы вновь обращаемся к важнейшим вопросам опыта советской литературы, публикуя по-прежнему статью В. Плоткина.

О ЧЕНЬ хорошо, что «Литературная газета», готовясь к великой дате — пятидесятилетию Октября, обратилась к актуальным вопросам, связанным с изучением исторического опыта советской литературы. Статья Юрия Андреева показала, как важно по-новому взглянуть на некоторые традиционные представления, как много еще спорных проблем, ждущих своего решения.

Очень важно подчеркнуть, как это и делает Ю. Андреев, богатство и многообразие советской литературы от самых ее истоков. Мы знаем времена, когда история нашей литературы ограничивалась примерно двумя десятками имен: остальные либо вовсе не упоминались, либо о них говорились несправедливо. Нет надобности приводить примеры: они у многих еще свежи в памяти.

И когда теперь все шире развивается изучение истории советской литературы, все богаче становится круг имен, которые вовлекаются в научный оборот. Ю. Андреев называет многих писателей, подзабытых или вовсе забытых. Было бы хорошо, чтобы они не только возродились в качестве объектов исследования, но и попросту стали доступны широкому читателю. Знает ли современный молодой человек о книгах, которые в свое время вызывали жаркие споры? Имеет

П Л Ю С

ли он какое-либо представление, скажем, о «Дневнике Носки Рядцева» Орлова, о «Преступлении Мартына» Бухарина, о «Пателе Тарповой» Семенова и других других книгах?

Я совершенно согласен с суждениями Ю. Андреева об искусственности схем, согласно которым советская литература шла в своем развитии от изображения массы к изображению отдельной личности, от воссоздания стихийности к утверждению сознательности. Эти схемы, на удивительно опровергает.

Привлекательная черта статьи — в ее стремлении преодолеть некоторые стереотипные классификации прежних лет. Но, к сожалению, должно признать, что, когда автор переходит к позитивной части, его доводы становятся менее убедительными и создается впечатление, что вместо старых схем возникают подпольные, странным образом смахивающие на те, которые вроде бы отошли в прошлое. И здесь хочется поспорить с Ю. Андреевым.

А ВТОР утверждает, что в течение длительного времени в литературоведении, по существу, не проводилось различия между понятиями «социалистический реализм» и «социалистическое искусство». Он считает их близкими, но не совпадающими полностью. «Более того», — добавляет он, — думаю, что история советской литературы, ее начального этапа настоятельно требует вступить в соответствие с действительностью еще один термин: «демократическое искусство послеоктябрьских лет».

Итак, есть социалистическое искусство и искусство социалистического реализма. Эти определения вызывают недоуменные вопросы. Формула социалистического реализма — правдивое, реалистическое изображение действительности в ее революционном развитии — противостояла равнопосильным схоластическим измышлениям диалектико-материалистического метода. Она была достаточно широка и давала простор для разнообразных творческих манер, исканий в пределах общего для всех нас художественного метода. Что же остается в социалистическом искусстве, если из него изъять социалистический реализм? Какое искусство за пределами социалистического реализма? Что это за социалистическое искусство, в котором нет ни жизненной правды, ни революционной романтики?

Ю. Андреев предлагает ввести в наше историко-литературное изучение новое понятие — «демократическое искусство послеоктябрьских лет». Какой в нем смысл, для чего оно нужно?

Позволю себе напомнить довольно известный эпизод. В 1913 году Ленин писал Горькому по поводу богостроительных нотиков в одной из его статей: «Вывалясь в Вашу статью и доискиваясь, откуда у Вас эта описка выйти могла, я недоумеваю. Что это? Остатки «Исповеди», которую Вы сами не одобрили? Отголоски ее?»

Или иное — например, неудачная попытка согнуться до точки зрения обшествократической вместо точки зрения пролетарской? Может быть для разог-

зайств уже привыкли к этому и могут не очень беспокоиться о подборе и сохранении своих кадров.

Не пора ли распрощаться с традицией, позволяющей некоторым хозяйственникам строить свои расчеты на том, что осенью кто-то со стороны придет убирать помидоры и яблоки, капуста и картофель? Ведь в ближайшие годы их должны выращивать все больше и больше. И если в силу погодных условий или заготовительной неповоротливости будут в дальнейшем случаться неурядицы, неужели же по-прежнему вырывать придется студентам?

В пригородных хозяйствах уборка силами студентов стала уже традицией. Из года в год четыре курса из пяти, как правило, открываются на полевые работы. Конечно, какая польза от этого есть: совхозам и колхозам, а вот государству...

С утра одна смена, вечером вторая. В гуманитарном корпусе такое же дежуство, в химическом тоже. Каждый день двенадцать человек отрываются от занятий лишь для того, чтобы протирать в корпусе «при швейцарские» замки?

И опять включается в сознание усталость та же психологическая схема. Студент, как и школьник, тоже не знает. Видя, что его отрывают от занятий, так сказать, законным порядком, он разрешает себе на два три дня опаздывать после каникул или практики, время от времени пропуская лекции просто так, чтобы больше поспать или почтять книгу. Вообще после первого курса уважение и обязательным часам учебного дня у студента падает, и он не прочь поговорить на тему, которую ли лекции вообще.

В итоге еще солидный процент

О СТУДЕНТАХ, ПРОПОЛКЕ И БЫСТРОТЕКУЩЕМ ВРЕМЕНИ

Дмитро ПРИЛУК

но лучше распланировать ответное ему учебное время, что бы изложить студентам полный курс своего предмета. Заседают кафедры и методические советы. Вот-вот прозвенит первый звонок, возмещающий начало учебной страды.

— Вместо него команда: — С пятого сентября на полевые работы. Месяц — полтора.

Ладно, приезжаем в совхоз. Встречают неплохо. К услугам студентов двухэтажное общежитие, столовая. — Для кого они построены? Окажется, для сезонных рабочих. Почему же их нет? Еще тепло, сентябрь, до «бабьего лета» не сколько недель. Где сезонные? Ушли. И совхоз их не очень удерживал. Постоянным или сезонным рабочим необходимо создавать определенные бытовые условия, обеспечить приличный заработком, лодыжничать и о клубе, и о библиотеке, и о бане. Зачем? Город все равно прилетит студентам...

И прекрасно понимаю, что бы вать отдельные случаи, когда самое совершенно организованное сельскохозяйственное предприятие нуждается в помощи извне, помощи и техникой, и людьми. Какне-нибудь погодные неурядицы, стихийные бедствия, неожиданные осложнения — все это вполне понятные и уважительные причины. Но ведь дело-то как раз в том, что весьма нередки обращения за помощью к городским организациям, не вызываемые объективной, неординарной возникшей трудностью. А попросту служат надежным шилом, удобным средством перекладывания собственных нужд на плечи плеч. Руководители пригородных хо-

Давайте посчитаем. На первом курсе потерян месяц учебного времени, на втором курсе — еще месяц — полтора, на третьем — еще столько же, на четвертом — еще. А четыре учебных месяца — это целый семестр, шестьсот учебных часов! За это время можно прочитать студентам полные курсы по целому ряду дисциплин.

Прошлой осенью вузы Киева начали учебный год 10—15 октября. Это формально. А пока улетели студенты-мордасты после летнего жита в совхозах, пона студентам расквашены по-серьезному приступили к учебе, лабораторным занятиям, сплал, пожалуй, еще месяц.

Как же складывается все это на уровне знаний и профессиональной подготовки? Как это согласуется с реализацией решения XXIII съезда? Ведь в 1970 году мы должны приблизить численность армии советского студенчества к одному миллиону при одновременном повышении «Качества подготовки кадров».

И если бы только один лишь полевые работы. Непроизводительная, неразумная трата учебного времени и связанные с ней затраты в учебе стали, повторяю, не исключением из правила, а дурным правилом для многих вузов.

Давайте пройдемся хотя бы по корпусам Киевского университета, заглянем в его лаборатории, кабинеты, спортивные залы.

Главный корпус. У входа, кроме швейцара, вас встречают двое студентов с повязками. По замыслу, они должны проверять пропуска, указывать нерадивым на разведку. А вообще-то они просто отбывают очередное дежуство, пропуская целый день лекций.

— Будет палатка, через 5 дней. — Будет деталь, через 10 дней. — Будет закончен ремонт шоссе, через 20 дней.

